

❧ *Любовь, интрига, тайна* ❧

Читайте романы Валерии Вербиной – мастера исторических и современных остросюжетных романов, в которых всегда есть место любви, интригам и тайнам.

Любовно-исторические:

Рыцарь темного солнца
Принцесса морей
Синее на золотом
Замок четырех ветров
Ангелов в Голливуде не бывает
Тайны Баден-Бадена
Снежная роза

Сериял «Амалия – секретный агент императора»:

Отравленная маска	Ветреное сердце Femme
В поисках Леонардо	Fatale
Леди и одинокий стрелок	Званный ужин в английском
Ледяной сфинкс	стиле
Драма в кукольном доме	Заблудившаяся муза
Убежище чужих тайн	Сапфировая королева
Письма императора	История одного замужества
Зеркало сновидений	Эхо возмездия
Статский советник по делам	Миллион в воздухе
обольщения	Вуаль из солнечных лучей
Чародейка из страны бурь	Золотая всадница
Путешественник из	Одна ночь в Венеции
ниоткуда	Девушка с синими гортен-
Ход Снежной королевы	зиями
На службе Его Величества	Аквамаринное танго
Похититель звезд	Черная невеста

Сериял «Адьютанты удачи»:

Адьютанты удачи
Бриллиант Фортуны
Фиалковое зелье

Любовно-криминальные:

Черный нарцисс	Сиреневый ветер Парижа
Ее любили все	Смерть ей не к лицу
Самый лучший вечер	Где-то на земле есть рай
Разбитое сердце богини	Кольцо с тайной надписью

Валерия Вербинина



ХОД СНЕЖНОЙ
КОРОЛЕВЫ



Москва
2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В31

Редактор серии *А. Антонова*
Оформление серии *А. Зининой*

Вербинина, Валерия.

В31 Ход Снежной королевы : [роман] / Валерия Вербинина. — Москва : Эксмо, 2023. — 352 с.

ISBN 978-5-04-186286-2

В древнем замке Иссервиль, некогда принадлежавшем тамплиерам, а ныне графу дю Коломбье, происходят странные события: по коридорам бродят призраки, на зеркале появляется кровавая надпись: «Вы все умрете здесь»... Хозяева и гости, собравшиеся отметить сочельник 1884 года, в ужасе, ведь за стенами замка — пурга, он отрезан от мира. Но самое ужасное, что пророчество начинает сбываться: один за другим погибают гости, а потом и сам хозяин... Неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы среди гостей замка не оказалась Амалия — тайный агент русского императора, до поры до времени скрывающаяся под другим именем...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-186286-2

© Вербинина В., 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

24 декабря 1884 года, сочельник



1. Из дневника Армана Лефера, учителя фехтования

День был цвета тоски, а небо — цвета смерти, и положение ничуть не улучшилось, когда в комнату вошла Клер.

— Тебя хозяин ищет, — сказала она.

Клер — служанка в замке Иссервиль. Ей лет пятьдесят, и из них по меньшей мере половину она провела в семье Эрнеста дю Коломбье, владельца замка. Хозяин и его жена считают Клер преданной, усердной и заботливой, а она пользуется этим, чтобы шпионить за всеми подряд и доносить господам о каждом шаге окружающих. Слуги ненавидят Клер и заискивают перед ней, чтобы не лишиться места, а она, как и все люди из породы насекомых, наслаждается их унижением. Ее власть была бы почти безграничной, если бы не маленький Люсьен, сын хозяев, и не я, который учит его искусству фехтования, столь же прекрасному, сколь и бесполезному в наши дни. Малыш Люсьен открыто презирает старую служанку и делает все ей наперекор, только чтобы лишней раз позлить ее. Мне Клер не внушает ни презрения, ни гадливости, ни отвращения, ни страха — ничего: мне она совершенно безразлична. Ее уколы на меня не дейст-

вуют, ее выпады я отбиваю с хладнокровием, которое, я чувствую, приводит Клер в куда большее отчаяние, чем молчаливая враждебность прислуги и неприкрытая — Люсьена. Я ускользаю от ее влияния, и это по-настоящему бесит ее. Если бы она могла, то подстроила бы мне какую-нибудь крупную гадость, но дело в том, что ей решительно не к чему придрататься. Я не пью, не курю, не держу любовницы, не имею незаконных детей и не играю на бирже. Правда, время от времени я перекидываюсь в карты с остальными учителями, но даже граф Эрнест не прочь порой рискнуть деньгами ради прекрасных глаз червонной или трефовой дамы, так что и тут Клер не сумела бы под меня подкопаться.

Сейчас она стояла возле дверей, сложив руки на животе и поджав губы, а ее маленькие колючие глазки так и обшаривали меня с головы до ног. Весь ее вид выражал неумолимое неодобрение.

— Господин граф желает тебя видеть, — проговорила она осуждающе, видя, что я не тороплюсь откликнуться на зов.

— Спасибо, старушка, — равнодушно отозвался я.

Клер сжала губы еще сильнее, а в ее бесцветных глазах вспыхнули искры самой непритворной лютой злобы. Ничего более не сказав, она круто развернулась и ушла. К счастью для моей двери, если бы та способна была испытывать человеческие чувства, Клер слишком хорошо вышколенная служанка, чтобы поддасться соблазну грохнуть ею на прощание. Вне всяких сомнений, если бы старуха была в состоянии выразить обуревавшие ее чувства, то моя дверь разлетелась бы на мелкие кусочки. Как только старая ябеда покинула комнату, я выкинул Клер из головы и задумался, для чего мог понадобиться графу.

«Может быть, он хочет поднести мне денежный подарок на Рождество? — лениво размышлял я, повязывая перед зеркалом галстук. — Наверяд ли... Хотя граф дю Ко-

ломбье и богат, как Ротшильд, с деньгами он расстается туго. Нет, он не скуп — ведь на то, чтобы перестроить и отделать Иссервиль, ушла прямо-таки фантастическая сумма... Наверное, дело в какой-то болезни богачей — они швыряют миллионы на ветер и пытаются сэкономить в малом. А впрочем, какая мне разница? Я-то точно никогда не буду богат».

И с этой жизнерадостной мыслью я спустился вниз.

Граф разговаривал в большой гостиной со своим управляющим, Филиппом Бретелем. Сколько я вижу Бретеля, столько он мне напоминает занозу, которой лишь по недоразумению выпало стать человеком. Он высокий, тощий, узкоплечий и бледный. Вытянутое лицо с бескровными губами и с птичьим носом обрамляют хилые рыжеватые бакенбарды. Но глаза у него умные, и даже если при первой встрече он произвел на вас неприятное впечатление, то оно быстро сглаживается. Коломбье считает Бретеля своего рода финансовым гением, и, значит, так оно и есть. Когда я вошел, Филипп как раз говорил:

— И все-таки я бы советовал вам обратить внимание на этот завод. Три несчастных случая за последнее время... Сами знаете, как некоторые газеты могут преподнести все это.

— О, прошу вас, — промолвил граф с брезгливой гримасой. — Не надо кормить меня байками о свободе прессы, которой, замечу, я сам и плачу.

— Однако что-то необходимо предпринять, — настаивал управляющий. — И чем скорее, тем лучше.

Граф потер подбородок. В его глазах мелькнули хитрые огонечки — как у человека, который задумал проверить веселую шутку и не сомневается, что она увенчается успехом.

— Не беспокойся, Филипп, — сказал он. — Уверяю тебя, мы решим эту проблему. Я уже принял кое-какие

меры. — И он махнул рукой, показывая Бретелю, что аудиенция окончена.

Управляющий удалился, и граф Коломбье повернулся ко мне. Только что его лицо было жестким, собранным и, пожалуй, даже хищным — настоящее лицо делового человека. Теперь маска слетела с него, и передо мной оказался обыкновенный полноватый мужчина сорока четырех лет от роду, темноволосый, сероглазый, с мясистой физиономией и с маленькой холеной бородкой на ней. Высоким графа не назовешь, он скорее приземист, а что касается внешности, то многие дамы считают его привлекательным, и чем богаче он становится, тем большую красоту ему приписывает молва. В это мгновение он улыбался, и уже по его улыбке я догадался, что он хочет меня о чем-то попросить.

— Присаживайтесь, Арман, — сказал он. — Как Люсьен? Делает успехи?

Я напомнил графу, что по случаю Рождества у нас каникулы. Но добавил: разумеется, Люсьен очень одаренный мальчик.

— Да, да, — рассеянно подтвердил Коломбье. — Послушайте, Арман... Мне бы хотелось попросить вас об одной услуге.

Я ответил, что нахожусь в полном распоряжении господина графа. Услышав мои слова, он заметно расслабился.

— Дело в том, что сегодня поездом в 16.45 прибывает один человек... Мне бы хотелось, чтобы вы встретили его на вокзале.

Так-так, сообразил я, значит, это кто-то из приглашенных на Рождество гостей. Большинство их — депутат Пино-Лартиг, его помощник Констан, старый судья Фирмен, управляющий Бретель со своей половиной и химик Андре Северен — уже прибыли утренним поездом. Оставался только... Черт возьми, кто же оставался?

— Вы и сами знаете, что вокзал довольно далеко от нас, — продолжал тем временем Коломбье, — и, конечно, это представляет определенные... гм... неудобства... Я надеюсь, вы не откажетесь выручить меня.

Просительный тон был совершенно несвойствен графу, и невольно я насторожился. Так кого я должен встретить? Как его вообще зовут?

— Это не он, а она, — ответил граф на мой молчаливый вопрос. — Моя кузина Дезире Фонтенуа. Вы, вероятно, слышали о ней... Мы не встречались десять... нет, шестнадцать лет. Неделю назад я послал ей телеграмму и пригласил сюда. Вчера от нее пришел ответ. Она придет поездом 16.45.

— Дезире Фонтенуа? — переспросил я в непритворном изумлении.

Коломбье кивнул.

— Как я вижу, до вас уже дошли слухи... Когда-то мы с кузиной крупно повздорили, и она перестала со мной общаться. Семейная ссора, понимаете? Мне очень жаль, что так получилось, но...

Ему было жаль! Он говорил так, словно являлся невинной жертвой, жестоко обиженной судьбой. Правда же заключалась в том, что шестнадцать лет назад, когда Дезире была молоденькой девушкой, он вознамерился выдать ее замуж за отвратительного слюнявого Пино-Лартига, чья поддержка была ему необходима. Дезире наотрез отказалась выходить за него замуж, и тогда дорогой кузен с благословения всех своих родственников выставлял девушку из дома. Та являлась круглой сиротой, и ей не у кого было просить помощи. Вне всяких сомнений, Коломбье рассчитывал, что своенравная кузина скоро сдастся, однако не тут-то было. Она сошлась с каким-то итальянским принцем, шокировав весь свет, а когда принц ей наскучил, променяла его на сказочно богатого русского князя с совершенно непроизносимой фамилией. Коломбье рвал и метал, с опозданием сообразив, ка-

кую ошибку он допустил, но было уже слишком поздно. Дезире наотрез отказалась иметь с ним какие бы то ни было дела и счастливо зажила в незаконном союзе с женатым князем, чья супруга обладала отменным здоровьем и отнюдь не собиралась умирать. После короткого медового месяца в Париже Дезире вместе с князем уехала в Санкт-Петербург, но даже оттуда до нас доходили сплетни о ее экстравагантных поступках, ее расточительности и немислимых нарядах. Некоторое время назад жена князя все-таки имела такт преставиться, и больше ничто не препятствовало взбалмошной Дезире окончательно воссоединиться с ее избранником. Кто-то — кажется, дворецкий Антуан Лабиш — упоминал при мне, что мадемуазель Фонтенуа вместе с князем вернулась в Париж, но так ли это было или нет, я не имел ни малейшего представления. И вот теперь граф подтверждал, что...

— Похвально, что вы хотите примирить семью, — заметил я, только чтобы хоть что-то сказать. — Это делает вам честь.

Коломбье устало улыбнулся. Вряд ли он думал о семье — бьюсь об заклад, куда больше его интересовало сказочное богатство русского. Я выпрямился. Ну конечно же, старый завод! Он хочет сплавить развалину князю, причем наверняка за двойную цену, если не за тройную. И что же, граф и впрямь верит, что Дезире поможет ему в этом? Смешно!

— Значит, вы согласны встретить Дезире? — спросил Коломбье. — Я бы и сам поехал на вокзал, но не могу — дела.

Он лгал. Никаких особых дел у него не было. Но если то, что я слышал о характере Дезире, было правдой, она вполне могла попытаться выцарапать дорогому кузену глаза при встрече. Я же был для нее совершенно посторонним человеком, и даже если бы она выцарапала глаза мне, граф Эрнест с легкостью сумел бы это пережить.

— А вы уверены, что она вообще приедет? — на вся-

кий случай спросил я. — Мало ли что могло случиться — вдруг она, например, передумала...

— Тогда вы вернетесь один, — отозвался граф, — только и всего.

Однако обстоятельства сложились так, что мне не пришлось возвращаться одному.

* * *

Кучер Альбер сказал, что подаст экипаж через четверть часа. Я поднялся к себе в комнату, чтобы переодеться. Небо по-прежнему было белое, как снег, и облака стояли так плотно, что у меня возникла вот такая мысль: богу вконец надоело смотреть на нашу безрадостную землю, и он отгородился от нее стеной туч. Над замком с пронзительными криками кружили вороны и галки. Иссервиль стоит на неприступной горе, высоко вздымающейся над окрестностями, и то, что в другом месте казалось бы просто докучным и унылым, здесь приобретает тревожный, почти пугающий оттенок — взять хотя бы этих птиц. Во всяком случае, я был рад, когда ко мне заглянул Брюс Кэмпбелл, учитель английского, и на своем забавном французском объявил, что зима в нынешнем году ожидается суровая как никогда. Кэмпбелл — истинный англичанин, начинающий любой разговор с упоминаний о погоде, человек флегматичный, с блеклыми волосами мышинового цвета и неопределенными, как бы размытыми чертами лица. Он носит очки, которые придают ему ученый вид, но я как-то видел, как сей ученый с истинно британской невозмутимостью выпил за один присест бутылку коньяка и ухитрился после этого не свалиться под стол. Более того, он как ни в чем не бывало продолжал вести вполне светскую беседу. В сущности, Брюс — славный малый в отличие от учителя математики Жан-Поля Ланглуа. Не то чтобы Ланглуа был

плохим человеком — нет, просто он так же скучен, как те цифры, которыми набита его голова. О чем бы ни шла речь, он непременно сворачивает на теоремы и аксиомы, потому что вне своей профессии не смыслит ничего. Ланглуа верит, что математика — царица всех наук, и этого вполне достаточно, чтобы презирать не только все прочие науки, но и саму жизнь, которая не сводится к цифрам и уравнениям. Словом, наш математик — невыносимый педант, но, когда садишься играть в карты, нет более надежного партнера, чем он. Вот где его сухой негибкий ум оказывает ему наилучшую службу. Вы не успели еще рассмотреть свою сдачу, как Ланглуа уже просчитал все возможные комбинации и загнал вас в угол, из которого вы выбираетесь с сильно облегченным кошельком. Впрочем... Кажется, увлекшись своими записями в дневнике, я стал безбожно врать, как некоторые наши литераторы. Ведь если говорить откровенно, мы всегда играем по маленькой, да и Ланглуа, несмотря на свою хваленую математическую логику, тоже нередко оказывается бит. Но поскольку мои записи все равно никогда не увидят света, я не стану ничего исправлять и оставляю все как есть.

Мы поболтали с Кэмпбеллом, потом англичанин ушел, а я, отыскав наконец свои перчатки, спустился вниз. В холле Матильда разговаривала с доктором Виньере; завидев меня, она мило улыбнулась и кивнула мне головой. Может быть, я мизантроп, но Матильда — единственное существо в этом замке, которое можно назвать прелестным без всяких оговорок. Когда смотришь на нее, первый эпитет, который приходит на ум, это «правильная». Правильные черты лица, темные гладкие волосы расчесаны на идеально правильный пробор, даже складки синего платья лежат правильно... но все это так же мало выражает ее суть, как мою — ремесло, которым я зарабатываю себе на жизнь. С виду Матильда кажется

уравновешенной, мягкой и приветливой, но никто в самом деле не знает, какие мысли скрываются за ее высоким безмятежным лбом. И даже положение Матильды в замке вызывает пересуды охочей до сплетен прислуги. Одни говорят, что она дальняя родственница графа, другие — что она его бывшая любовница или незаконная дочь. Словом, выбирайте, что вам больше по вкусу. Мне известно только, что она давно живет в Иссервиле и что граф ее уважает — настолько, насколько он вообще способен уважать кого-либо из людей. Доктор Эмиль Виньере, кажется, к ней равнодушен, по крайней мере, их часто видят вместе. Лично я не делаю из этого никаких выводов и вам не советую. Когда я уходил, Матильда и краснолицый здоровяк доктор продолжали разговаривать. Речь, сколько я мог судить, шла о злокачественных опухолях.

Когда я вышел из замка, вороны в небе словно замедлились быстрее и закричали еще пронзительнее, чем прежде. Я не считаю себя суеверным, но от их карканья у меня мороз по коже пошел. Кое-как я забрался в экипаж и захлопнул дверцу. Альбер стегнул лошадей, и те резвой рысью направились к станции, которая отстоит от Иссервиля на добрых шесть лье¹. Местами дорогу совсем замело, так что мы прибыли на вокзал с небольшим опозданием. На наше счастье, поезд тоже опоздал — из-за заносов, и когда вдали наконец зафыркало и показалось облачко черного пара, я против воли почувствовал прилив любопытства. Интересно, какая она, Дезире Фонтену?

Одышливо пыхтя, состав подкатил к станции и остановился. Сошли только два пассажира — немолодой военный с подвязанной рукой и красивая стройная дама в

¹ 24 километра.

мехах. Я шагнул ей навстречу, и она тотчас направилась ко мне.

— Вы из Иссервиля? Мой кузен прислал вас? Надо же, как это мило со стороны Эрнеста! Примите мой багаж, пожалуйста.

Она говорила, улыбалась, распоряжалась, и я и сам не успел заметить, как превратился в ее слугу. Багажа было столько, что я поразился, как наша карета выдержала его тяжесть. Я помог Дезире забраться в экипаж и тут только вспомнил, что даже не назвал свое имя.

— Я Арман Лефер, — сказал я, — учитель фехтования.

Она улыбнулась, и в полумраке кареты я заметил, как блеснули ее зубы. От ее шубки тонко пахло духами, и у меня слегка закружилась голова.

— Надо же — Лефер... Подходящая фамилия для учителя фехтования¹! А почему мой дорогой кузен послал именно вас, а? Или он надеялся, что вы спутаете меня с одним из своих противников?

И она засмеялась. Я почувствовал, что краснею. Непостижимо, но это было именно так!

— Туше?² — весело спросила она.

— Прямо в сердце, мадам! — искренне ответил я.

Кажется, я поздно спохватился, что она может принять мои слова за двусмысленность, но если она и заметила что-то, то виду не подала. Конечно, она была из породы неисправимых кокеток, и все же ее кокетливость не раздражала, как это случается с некоторыми женщинами, которые, похоже, даже не догадываются, до чего навязчивы порой их ужимки и как жалко они выглядят со стороны. Дезире Фонтенуа со своими гримасками и лукавой беспечностью была — вся! — само очарование, и я

¹ По-французски le fer — железо.

² В фехтовании — укол, означающий поражение противника.

сам не заметил, как начал поддаваться ее чарам. Ей сравнялось уже тридцать четыре года, а выглядела она на добрый десяток лет меньше, да и вела себя, как шаловливая девчонка. Уже потом я заметил светло-каштановые волосы, ослепительно белую кожу и капризный рот с упрямыми уголками, а тогда, в карете, видел только ее глаза — карие, почти янтарные, с пляшущими в них задорными искорками. Когда я ехал из замка на вокзал, дорога представлялась мне бесконечной, обратный путь пролетел словно один миг. Мы разговаривали с Дезире, я отвечал на ее вопросы, отклонял полушутливые выпады, которыми она — чисто по-женски — нет-нет да и пыталась уколоть меня. Она казалась легкомысленной бабочкой, созданной только для того, чтобы пленять своей красотой, но некоторые оброненные ею замечания показали мне, что в действительности она гораздо умнее, чем стремится выглядеть. Я терялся в догадках, кто же она на самом деле.

Мы приближались к замку. Дезире выглянула в окно и нахмурилась.

— Я и не думала, что здесь так мрачно, — проговорила она.

Дорога вилась по самому краю пропасти, и снег приятно похрустывал под копытами коней. Далеко внизу громоздились черные скалы, при одном взгляде на которые начинала кружиться голова, а наверху раскинулся потемневший от времени замок с островерхими башнями. Отсюда он выглядел угрюмым, горделивым и самую чуточку зловещим.

— И зачем мой кузен купил такую рухлядь? — пробормотала Дезире, зябко поежившись.

Я счел себя обязанным вступить за честь Иссервиля.

— Это очень древний замок, но внутри многое переделано, и жить там можно без всяких хлопот, поверьте мне. Хотя, конечно, нужно некоторое время, чтобы привыкнуть. Замок воздвигли чуть ли не в эпоху Карла Вели-

кого, и тот, кто владел им, мог диктовать свою волю всей долине, расположенной у подножия горы. Долгое время он принадлежал тамплиерам, а когда Филипп Третий разгромил их орден...

— Филипп Четвертый, — живо поправила меня Де-зире. — Обычно его называют Красивым. А еще у него было прозвище Фальшивомонетчик, которое историки предпочли забыть. — И она лукаво покосилась на меня.

— Я все время путаю номера королей, — признался я. — Одних Людовиков было восемнадцать штук, а еще Генрихи, Филиппы, Карлы...

— Ну а я никогда ничего не путаю, — сообщила моя собеседница. И добавила: — Надо запоминать не номера, а деяния, поступки. Все остальное совершенно несущественно.

На это мне было совершенно нечего возразить.

2. Из зеленой тетради Люсьена дю Коломбье

Вчера за обедом мой папа спросил меня, кем я хотел бы стать.

— Д'Артаньяном, — ответил я.

Мне показалось, что папа был озадачен. Мама обернулась к Леферу, который тоже сидел с нами за столом.

— Это вы внушили ему такую мысль? — осведомилась она.

Месье Лефер ответил, что он и не помышлял ни о чем подобном. Это было правдой. Мой учитель превосходно фехтует, в своем полку он числился на хорошем счету, но слова «мушкетеры», «рыцари», «крестоносцы» для него пустой звук. Я вмешался (мне ужасно нравится это слово, оно звучит совсем по-взрослому) и сказал, что он тут ни при чем.

— По-моему, ты читаешь слишком много книжек, — снисходительно заметил папа, принимаясь за десерт. —

Мушкетеры давно вышли из моды, как и их мушкеты. Теперь все решают пушки.

Конечно, папа знал, о чем говорил, ведь в свое время, лет двадцать тому назад, он сам изобрел особо прочный сорт стали для пушек, и это открытие невероятно обогатило его. Я думаю, он хотел бы, чтобы я, когда вырасту, продолжил его дело, и поэтому ничего не ответил.

— Ты встречал хоть одного мушкетера? — спросила мама. — Они же больше не существуют. Как можно быть тем, кого нет?

Отец улыбнулся. Они разговаривали со мной, как с несмышленышем, словно я и впрямь не понимал, что мушкетеров уже нет, что они остались только в книжках. Я чувствовал, что родители не правы, но никак не мог сообразить, в чем же именно. Разумеется, они не лгали насчет мушкетеров, но все же, все же... Устав ломать себе над этим голову, я после обеда подошел к месье Леферу и рассказал ему о своем затруднении.

— Видишь ли, — рассудительно сказал мой учитель фехтования, набивая трубку, — когда взрослые спрашивают у ребенка, кем он хочет стать, они имеют в виду реальность, а ребенку кажется, что его спрашивают о его мечте. Поэтому тебе и твоим родителям никогда не понять друг друга.

Он разъяснил все как по писаному, и все же я немного надулся.

— Я не ребенок, — обиженно отозвался я.

Арман поглядел на меня и улыбнулся

— Конечно, ребенок, раз так упорно отрицаешь это, — возразил он. — Только ты зря так. В детстве нет ничего плохого, уверяю тебя. Скорее наоборот.

Теперь он выражался точь-в-точь как мои родители, и мне сделалось скучно. Я ушел к себе и стал перечитывать «Двадцать лет спустя». По правде говоря, мне хотелось отправиться наружу — лепить снеговика вместе с

остальными ребятами, — но мерзкая Клер наверняка наябедничала бы об этом маме, и у нее опять разыгралась бы мигрень. Да и папе тоже не нравится, когда я играю с детьми прислуги. «Они должны знать свое место», — любит повторять он. Правда, то же самое он говорит почти про всех, кроме своих самых близких друзей.

Ну вот. Сегодня был сочельник, и с утра в доме царил оживление, потому что к завтраку прибыли долгожданные гости. Я, конечно, их не ждал, но это просто так говорится. Впрочем, мне все равно было не до гостей, потому что я наконец нашел выход. Раз статья д'Артаньяном уже не получится и мушкетеры существуют только в книжках, решено: я буду писателем. Конечно, вряд ли я смогу сразу сочинить роман вроде «Трех мушкетеров», но я буду учиться. Пока я завел вот эту большую зеленую тетрадку, куда стану заносить все, что происходит вокруг. Свободного времени у меня предостаточно — сейчас каникулы, и большинство учителей разъехались по домам, а значит, я буду предоставлен сам себе. В замке остались только трое преподавателей — месье Лефер, потом месье Ланглуа, математик, и англичанин Кэмпбелл, но вряд ли они будут мне мешать. Главное, чтобы Клер не пронюхала о том, чем я занимаюсь, но об этом я уж сам позабочусь.

В большом зале внизу поставили елку, и за столом мать жаловалась, что слуги, которые занимались ею, наследовали на дорогих коврах. Что бы ни произошло, она всегда найдет повод для недовольства. Луи Констан, помощник депутата с двойной фамилией, тотчас предложил ей уволить нерадивых слуг или вычестить стоимость ковров из их жалованья. Отчего-то мать обиделась еще больше и ответила, что им и жизни не хватит, чтобы оплатить испорченные ковры. Не знаю почему, мне их разговор не понравился, и, когда все поднялись из-за стола, я пошел искать Франсуазу, горничную. Франсуаза слав-

ная, хотя и немного забитая, потому что Клер помыкает ею как хочет. Я спросил у горничной насчет ковров, и она ответила, что было всего несколько пятен от тающего снега, который принесли на сапогах, но что она и другая служанка уже все убрали. И в самом деле, ковры выглядели как новенькие, а от елки чудесно пахло лесом. Я стащил с нее одну конфету — просто так — и вернулся в гостиную. Мать сидела на диване, и на лице у нее было мученическое выражение, которое означало, что опять произошло что-то неприятное. Отец стоял перед ней, а больше в комнате никого не было.

— Уверяю тебя, это самое разумное решение, — сказал отец.

— Зачем ты ее пригласил? — плаксиво спросила мать. — После того, как она столько лет вела себя, словно... — Она не договорила.

— Послушай, Анриетта, — уже раздраженно промолвил отец. — Дезире мне нужна. Ясно?

Мать, поджав губы, разглаживала ладонью несуществующую складку на юбке.

— Надеюсь, она не приедет, — наконец сказала она.

— Приедет, — отмахнулся отец. — Я уже получил от нее телеграмму с ответом.

— Ну конечно! — вскинулась мать. — Ты думаешь только о себе! А Люсьен? О нем ты хотя бы подумал? Какое влияние может иметь на него эта... эта особа?

Мне стало интересно, о ком они говорят, но тут отец повернул голову и заметил меня.

— Между прочим, подслушивать нехорошо! — сердито бросил он мне.

— Я не подслушивал, а просто стоял в дверях! — возмутился я. — Если бы я подслушивал, я бы стоял с другой стороны, воткнув нос в замочную скважину, как это делает Клер! И вообще, что происходит?

— Ничего, — уже спокойнее отозвался отец. — Я при-

гласил твою двоюродную тетку Дезире погостить у нас, только и всего.

— Я не хочу, чтобы она общалась с моим ребенком! — заявила мать.

— Можешь успокоиться, дети ее не интересуют, — язвительно (как мне показалось) ответил отец.

Мать вспыхнула и отвернулась.

Значит, у меня есть тетка, о которой я прежде ничего не слышал, и она «особа». Можете говорить все, что угодно, но когда женщину называют «особой», это характеризует ее не с самой лучшей стороны. Я решил, что она старая, длинноногая, занудная и с потными руками. У нас в Иссервиле живет Матильда, родственница человека, которому папа был многим обязан. И когда тот умер, папа пригласил ее к нам. Она спокойная, приятная в обращении и даже хорошенькая, но вот ее руки все портят. Всякий раз, когда она дотрагивается до меня, мне становится не по себе не знаю почему.

Мать вполголоса принялась спорить с отцом, а я воспользовался этим и улизнул лепить снеговика. Потом мы с ребятами начали строить снежную крепость, но тут явилась Клер и велела мне возвращаться. Я показал ей нос и, передразнивая ее манеру речи, сказал, чтобы она сама убиралась подобру-поздорову. Клер ушла, а через несколько минут появился Кэмпбелл и сказал, что его прислала за мной моя мать: она беспокоится, что я могу простудиться. Делать было нечего, пришлось послушаться: Брюс — не Клер, и я вовсе не хотел, чтобы у него были из-за меня неприятности. Когда мы шли обратно в замок, внизу на дороге показалась карета.

— Интересно, кто это? — спросил Кэмпбелл, оглядываясь на нее.

— Наверное, Дезире приехала, — предположил я.

— Дезире? — переспросил учитель.

— Ну да, моя двоюродная тетка.